

УДК 821.161.1"19"

КАТЕГОРИЯ ЧИТАТЕЛЯ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ» А. С. ПУШКИНА

В.А. Семёнов

Тверской государственной университет, Тверь

В данной статье рассматривается проблема читателя в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на фоне материала из романов Л. Стерна.

Ключевые слова: Пушкин, Стерн, читатель, эксплицитный, лирические отступления, открытое начало, открытый конец, гендерный признак.

Проблемы творчества А.С. Пушкина многогранно исследованы, и сегодня трудно найти оригинальный ракурс их рассмотрения. Однако проблема читателя, всё более широко актуализирующаяся как теоретическая, даёт возможность видеть пушкинское наследие в новом ракурсе. Сегодня можно утверждать, что пушкинская поэтика художественного слова во многом сложилась под влиянием эстетики британского писателя Лоренса Стерна, автора романов «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759–1767) и «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768).

Стерн оказал большое влияние на мировую и, в частности, русскую литературу [3; 7]. Второе из названных выше произведений дало начало целому направлению в литературе: сентиментализму, охватившему всю литературную Европу. К числу первенцев традиции русского стернианства относятся Екатерина II, Радищев, Карамзин. Но если Карамзина, как Екатерину II и Радищева, можно считать современниками Стерна, то проблема влияния английского писателя на Пушкина представляется более сложной. Это влияние было опосредованным, поскольку писатели принадлежали к разным историческим эпохам.

С романами британского писателя Пушкин познакомился по французскому переводу 1799 г. с параллельным английским текстом, полному собранию сочинений в 6-ти тт. («компактное издание» 1818 г.) и на языке оригинала по однотомному собранию романов, изданному в 1823 г. в Лондоне [1, с. 284].

Проблемы «Пушкин и Стерн» фигурировала в работах В.И. Маслова, В.Б. Шкловского и Л.И. Вольперт.

В.И. Маслов обзорно рассматривает отзывы Пушкина о британском писателе, но не исследует проблему влияния Стерна на поэтику Пушкина [3, с. 370–371]. Определённое значение имеет, впрочем, известное высказывание поэта: «*Вся Лалла-Рук не стоит десяти строчек*

Тристрама Шанди» [5, с. 34]. Оно показывает, сколь высоко оценивал Пушкин творчество британского писателя.

В рамках «теории романа», разработанной в 1920-х гг., В.Б. Шкловский исследует способы обострения восприятия литературного текста читателем с помощью иронической игры автора с устаревшими формами романа. Важное значение придаётся «чертам творчества, общим для обоих писателей» [9, с. 206], при этом подчёркивается знакомство Пушкина с произведениями британского писателя. Однако Шкловского не интересовал вопрос влияния Стерна на Пушкина.

Л.И. Вольперт показала, что поэтика Стерна близка пушкинской. Пушкин, как и Стерн, активизирует роль читателя [1]. Автор исследования рассуждает о читательских мирах Стерна и Пушкина, признаёт влияния Стерна на роман в стихах «Евгений Онегин», не затрагивая связанной с этим влиянием проблемы читателя.

Эксплицитный читатель – лишь одна из особенностей наследия Стерна, которыми пользуется Пушкин, и только в сочетании этих особенностей более полно может раскрыться интересующая нас экспликация читателя в тексте. Так, Пушкин широко использует технику нелинейного повествования. Подобно Стерну (т.е., Тристраму-рассказчику), поместившему предисловие только в третьем томе «Жизни и мнений Тристрама Шенди» [8, с. 191], а посвящение «милорду» – в восьмой главе первого тома [8, с. 32], – Пушкин помещает посвящение в середину романа («Хоть поздно, а вступленье есть» [4, с. 163]). Поэт также обозначает пропущенные строфы: они преобладают в главах I, VI, VII, но характерен пропуск в главе IV строф с I по VI [4, с. 75]: опущенным оказывается самое важное – начало главы. Как и Стерн, Пушкин заменяет поэтические строки многоточиями, предоставляя читателю возможность самому их интерпретировать. Ход повествования постоянно замедляется ответвлениями [4, с. 114] и многочисленными «отступлениями». «Автор» в «Евгении Онегине», как и Тристрам, понукает рассказ [4, с. 118], сообщает о своих намерениях [4, с. 118], вводит замечания в скобках [4, с. 80]. Парадокс состоит в том, что обещания автора отказаться от отступлений и желание ускорить ход разворачиваемых событий сами по себе замедляют повествование. Эти повествовательные приёмы могут восприниматься как усвоение Пушкиным поэтики Стерна.

В произведениях Пушкина можно найти соответствия определённым эпизодам из романов Стерна. Так, Тристрам-рассказчик, приступая к работе над первым томом, пишет:

«... я твердо убеждён, я занимал бы совсем иное положение в свете, чем то, в котором читатель, вероятно, меня увидит. Право же, добрые люди, это вовсе не такая маловажная вещь...» [8, с. 22].

«Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» открывается репликой рассказчика в середине спора, суть которого так и не выясняется. «Открытое начало» является игрой Стерна с читателями, выраженной композиционно. «Евгений Онегин», так же как «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» и в большей мере – подобно «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии», имеет «открытое начало»: внутренний монолог человека, который направляется к дяде. «Занавес открывается в середине романа, с середины разговора, причём личность говорящего не выяснена нами совершенно» [9, с. 207]. Только в строфе II первой главы автор-рассказчик представляет главного героя читателю:

«Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель» [4, с. 6].

Тристрам-рассказчик хочет установить полное взаимопонимание между собой и читателем:

«... предварительно прошу и умоляю моих читателей... не допускать, чтобы он [диавол] каким-нибудь обманом или хитростью вкладывал в умы их другие мысли, чем те, что я вкладываю в своё определение» [8, с. 215].

Автор в «Евгении Онегине» поступает аналогично: он заранее обозначает разницу между собой и главным героем:

«Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...
<...>
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом» [4, с. 28–29].

Авторская ирония заключается здесь в невозможности для автора исключить свою личность из создаваемого произведения.

Одно из главных намерений Тристрама – удержать внимание читателя, для чего он вставляет в текст фразы типа: «Прошу вас, сэр, уделите минуту внимания картине, которую я вам нарисую» [8, с. 113]. Эти фразы являются следствием «комплекса неполноценности», неуверенности Тристрама, создающего первый в своей жизни роман. Он также подобен реальному рассказчику, который периодически пользуется схожими фразами для удержания внимания слушателей. Так реалии быта становятся реалиями литературными. Пушкин широко пользуется приёмом Стерна. Каждый случай экспликации читателя в «Евгении Онегине» суть обращение и удержание внимания реципиента на читаемом тексте ценой приостановки сюжета.

«Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой» [4, с. 41].

«Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель» [4, с. 80].

Тристрам-рассказчик дифференцирует читателей по гендерному признаку: *читатель* [8, с. 22], *сэр* [8, с. 23], *милорд* [8, с. 31], *ваши милости* [8, с. 210], *ваши преподобия* [8, с. 169], но есть и *мадам* [8, с. 27], *читательницы* [8, с. 63] и *милая Дженни* [8, с. 477], самый факт обращения к которой Тристрам-рассказчик эксплицирует в тексте [8, с. 63]. Есть и безличные обращения – например, *добрые люди* [8, с. 22]. Есть и обращение к самому себе: «Игрушка ничтожных случайностей – вот кто ты, Тристрам Шенди! и всегда таким будешь!» [8, с. 168]. В романе «Евгений Онегин» читатель также дифференцируется по гендерному признаку: есть *читатель* [4, с. 6], *читатель благосклонный* [4, с. 141], *читатель благородный* [4, с. 81], *достопочтенный мой читатель* [4, с. 82], и есть *мои богини* [4, с. 5], *маминьки* [4, с. 17], *Зизи, кристалл души моей* [4, с. 112]. Есть также обезличенные обращения: *друзья Людмилы и Руслана* [4, с. 5], *почтенные супруги* [4, с. 17], *милые друзья* [4, с. 18]. Есть и обращение автора к самому себе: «Когда и где, в какой пустыне, / Безумец, их забудешь ты?» (речь идёт о ножках [4, с. 18]).

Основой многих обращений Пушкина к читателю является ирония. Она может быть тонкой, почти незаметной, или явной, но присутствует во многих обращениях к читателю. Тристрам-рассказчик может заботиться о здоровье читателя, но подтекст этого обращения составляют ирония и самоирония: «А теперь, когда вы дошли до конца моих четырёх томов, – вещь, о которой я хочу спросить: в каком состоянии у вас голова?...» [8, с. 317].

Пушкин иронизирует по поводу друзей и родных читателя [4, с. 80–81]. Автор также призывает читателя к самолюбию, но этот призыв содержит немалую долю иронии, он построен по контрасту с заповедью «Возлюби ближнего своего, как самого себя»:

«Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его» [4, с. 82].

Авторской иронией в адрес читателя является и сам сюжет произведения. Простота сюжета «Евгения Онегина» сравнима с простотой сюжета романа «Жизнь и мнения...» Стерна. Акад. В. М. Жирмунский, цитируя Шкловского, указывал на сходство сюжетной канвы «Евгения Онегина» с басней о журавле и цапле: «А любит Б, Б не любит А; когда же Б полюбил А, то А уже не любит Б» [2, с. 104], отмечая при этом:

«... для художественного впечатления “Евгения Онегина” это сродство с басней является весьма второстепенным, и что гораздо существеннее – то глубокое качественное различие, которое создаётся благодаря различию темы... в одном случае – Онегина и Татьяны, в другом случае – журавля и цапли» [2, с. 104].

Расширяя возможности формы романа, Стерн под «маской» Тристрама-рассказчика играет с читателем. Тристрам мыслит своё произведение как спектакль, а персонажей – как актёров, выполняющих задаваемые им роли. Он предлагает читателю активно включиться в игру, полностью посвятить себя роману «Жизнь и мнения...». Тристрам также рассчитывает на помощь читателя в смене декораций. Ожидается физическое действие от субъекта, который не в состоянии совершить это действие с объектами, принадлежащими как художественному целому, так и миру Тристрама-рассказчика.

«... в главе восемнадцатой вы пройдёте со мною, мадам, за занавеску...» [8, с. 403]; «А теперь я попрошу читателя помочь мне откатить артиллерию дяди Тоби за сцену...» [8, с. 422].

Реальности Тристрама-рассказчика (вне художественного целого) и дяди Тоби (художественное целое) иногда пересекаются; в пересечении образуется театр, где Стерн под «маской» Тристрама действует как режиссёр, предлагая читателю роль рабочего сцены. К стерновской игре с читателем относится также пропуск глав (т. VII, гл. 18, 19) [1, с. 287]. Пушкин тоже играет с читателем, но игра перенесена в область поэзии. В приведённом ниже примере автор предугадывает горизонт ожидания читателя-обывателя, неискущённого в поэзии, и, исходя из собственного опыта как Поэта и читателя, предлагает ему ожидаемую рифму:

«И вот уже трещат морозы
И серебрятся среди полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми её скорей!)» [4, с. 90].

С этой целью повествование прерывается, второе двустишие из четверостишия с перекрёстными рифмами заключается в скобки. Суть механизма игры состоит в отсутствии альтернативы двум последним строкам с ответными рифмами. Эти строки заполняют своё место в «онегинской строфе» XLII из 4-й главы и не могут звучать иначе, чем написаны. Если в третьей и четвёртой строках продолжалось бы описание зимней природы, игровая ситуация исчезла бы. Но первая строка написана таким образом, что слово «морозы» (входящее в парадигму ожиданий читателя) оказывается вынесенным в позицию рифмы, и ситуация игры оказывается заранее подготовленной поэтом.

Тристам-рассказчик учтив в общении с читателем: «Видит Бог, я рад вас принять, – прошу только вас быть как дома...» [8, с. 94]. Учтливость, безоговорочно, свойственна и автору в «Евгении Онегине»: «И вы, читатель благосклонный... // Пойдемте слушать шум дубравный // Над безыменной рекой...» [4, с. 141].

Оба романа Стерна имеют «открытый конец», поэтому отсутствуют конструкции из завершающих фраз:

«– Господи! – воскликнула мать, – что это за историю они рассказывают? – Про БЕЛОГО БЫЧКА, – сказал Йорик, – и одну из лучших в этом роде, какие мне доводилось слышать» [8, с. 603]; «Так что, когда я протянул руку, я схватил *fille de chambre* за –» [8, с. 720].

Шкловский убежден в том, что Стерн завершил роман «Сентиментальное путешествие»:

«Конечно, биографы уверены, что Стерна постигла смерть в тот самый момент, как он протянул руку, но так как умереть он мог только один раз, а не окончены у него два романа, то скорее можно предполагать определённый стилистический приём» [9, с. 213].

Действие в «Евгении Онегине» оканчивается в строфе XLVIII восьмой главы [4, с. 189]. В поэме прямого последователя Стерна – Радищева – имеются фразы заключительного характера:

«Но, любезной читатель, я с тобою закалялся... Вот уже Всесвятское... Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь прости. – Ямщик, погоняй» [6, с. 190].

Сходным образом построен финал «Евгения Онегина». В тексте остаётся слово *прости*, являющееся теперь рефреном. Фраза «если я тебе не наскучил» расширяется, обретая новые смыслы: «Евгений Онегин» – самодостаточное произведение, «энциклопедия русской жизни», в которой читатель, по искренним надеждам автора, может найти всё его интересующее. Как и Радищев, Пушкин «обрывает рассказ, подчёркивая сознательность перерыва» [9, с. 213]:

«Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости» [4, с. 189].

Итак, Пушкин неоднократно обращался к читателям на страницах своих произведений. Творивший в эпохи романтизма и раннего реализма Пушкин по этой причине оказывается включенным в стернианскую традицию, главным признаком которой является э к с п л и к а ц и я читателя.

Список литературы

1. Вольперт Л.И. Стернианство Пушкина и Стендаля. – Тарту, 2010. – 570 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_Pushkin_2010.pdf (извлечено 21.04.2013).
2. Жирмунский В.М. К вопросу о «формальном методе» [Текст] / В.М. Жирмунский // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л. : 1977. – С. 94–105.
3. Маслов В.И. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII-го и нач. XIX-го вв. [Текст] // Историко-литературный сборник. Посв. Всев. Изм. Срезневскому (1891–1916 гг.). – Л., 1924. – С. 339–376.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 19 т. / А.С. Пушкин. – Т. 6. – М. : Воскресенье, 1995. – 704 с.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений [Текст]: в 19 т. / А.С. Пушкин. – Т. 13. – М. : Воскресенье, 1996. – 656 с.
6. Радищев А.Н. Сочинения [Текст] / А.Н. Радищев. – М. : Художественная литература, 1988. – 687 с.
7. Семёнов В.А. Русское «стернианство»: к постановке проблемы [Текст] / В.А. Семёнов // Слово : сб. научн. работ студ. и асп. – Тверь, 2009. – Вып. 7. – С. 11–17.
8. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма / Л. Стерн. – М. : Издательство АСТ, 2004. – 835 с.
9. Шкловский В.Б. Евгений Онегин (Пушкин и Стерн) [Текст] / В.Б. Шкловский // Очерки по поэтике Пушкина. – Берлин : Эпоха, 1923. – С. 199–220.

CATEGORY OF READER IN «EUGENE ONEGIN»

BY A. S. PUSHKIN

V.A. Semyonov

Tver State University, Tver

This article addresses the problem of the reader in the novel in verse of Pushkin's "Eugene Onegin" against the background of the novels by L. Sterne.

Keywords: *Pushkin, Sterne, reader, explicit, lyrical digressions, open beginning, open end, gender*

Об авторе:

СЕМЁНОВ Владислав Александрович – соискатель кафедры теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: wlad81.main@yahoo.com

Научная библиотека ТвГУ